

Т 748360

**АЛЕКСАНДР
ЯШИН**

СОВЕСТЬ

©

**Александр
Яшин**

СОВЕСТЬ

Лирические записи

Т748360

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва 1961

Имя поэта Александра Яшина широко известно советскому читателю. Он давно работает в нашей поэзии, опубликовал много книг стихов и поэм.

В новую его книгу «Совесь» вошли стихи, написанные главным образом за последние годы. Человек и время, человек и общество — вот лейтмотив книги. Ее лирический герой, наш современник, — цельная, духовно богатая, деятельная натура. Он творчески трудится в коллективе, радуется всему хорошему и огорчается несовершенному, борется за чистоту отношений между людьми. Он любит природу и, познавая ее, учится у нее. В книге даны красочные пейзажи северной полосы России, портреты людей — тружеников колхозной деревни, лесорубов и строителей. Большим искренним лиризмом проникнуты стихи о матери, о подлинном товариществе, о светлой любви.

* * *

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:

Отечество,
Верность,
Братство.

А есть еще:

Совесьть,
Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

1957

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул, ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что Земля вращается,
Что время свое берет?
Добрее и оснащается
Отчизна из года в год.

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения
Дорогами преображения
Ведет непреклонный век.

Не смять никаким обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство —
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всем

До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,
Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,
Доверчивым и невыспренным,
Простым,
Как с самим собой?

1959

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

На праздник украшая город,
Мы вспоминаем без конца
Не только выстрелы «Авроры»
И легендарный штурм дворца.

Вся жизнь героикой богата.
Встает в сознании солдат
В одном ряду с великой датой
Все больше новых славных дат.

Наверно, будут по значенью
Перед историей равны
И трудовое напряженье
И испытания войны.

А для кого-то годовщина
Уже давно приходит в дом
Днем свадьбы,
Днем рожденья сына,
Еще каким-то добрым днем.

Для торжества не в умаленье
Расскажет вдруг иной поэт,
Что первое его творенье
Под этот праздник вышло в свет.

А кто-то справил новоселье,
И с той поры из года в год
С парада прямо
Всей артелью
Родня к нему на пир идет.

Примет у праздника не мало
Помимо красного числа,
Для всех судьбою личной стала
И в быт история вошла.

1957—1959

ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Еще ни домов, ни оград —
Валежник да ягодник топкий,
Глухая тайга, а не сад,
Не улицы — тропки.

И просека только одна.
Зато и людьми и проектом
Уже названа она
Ленинским проспектом.

Прямой, устремленный в мир
Из хвойных трущоб
К восходу,
Он — верный ориентир
Попавшему в непогоду.

Он словно начало начал,
Сродни фронтовым дорогам,
Для всех строителей стал
Больших перемен залогом.

Пусть гóрода еще нет, —
Не за горами сроки:
Уже освещен
Широкий
Ленинский проспект.

1960

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика

От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

ЗИМНИЙ ФОТОСНИМОК

Снег побелил ушанку,
Снег на воротнике,
Словно бы спозаранку
Был Ильич на катке.

И хохотал и бегал,
Перегоняя всех.
Брови что хлопья снега,
И на бородке снег.

Вот он встряхнул одежду,
Переступив порог,
Только с волос, как прежде,
Сдунуть снежок не смог.

Так и остались снежинки
На бороде, в усах,
Да на губах смешинки,
Да огоньки в глазах.

1960

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят? Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил.
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

МОСКВА—ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,

Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмоскovie
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрым словом Вологда зову.

Жизнь большая в дебри входит властно,
Волока и те меняют вид,
Мы ко всем делам страны причастны:
Спутник и над Вологдой летит.

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль
 о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,
И — далеко,
 чужие нам по крови,

И все они нуждаются подчас
В тепле, в участие,
В братском добром слове.

С любим ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне, как земляку,
Поверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник — пусть
не близкий,
Безвестный пусть, —
в беде, в нужде какой,
Спеши ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебной запиской.

Спеши на выручку, других зови, —
Пусть не найдется душ глухих
и жестких!

Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?!..

1956

С ГОДАМИ...

Стали мы внимательней и строже
Жизнь сверять с безмерностью мечты.
Все ясней с годами, все дороже
Ленинского облика черты.

Из всего, что ныне вспоминаем,
Возникает, как родник чиста,
Не парадная, не напускная,
Человеческая простота.

Добрая внимательность во взоре,
Вдохновенный труд и страсть в борьбе,
И отзывчивость к чужому горю,
И суровость к самому себе...

На миру, с народом повседневно,
Он и спорить и шутить любил,
Был с людьми не просто задушевым —
Сердцем до любого доходил.

Мог неслышно появиться в зале,
Где-то в крайнем посидеть ряду.
Ходоки его одолевали —
Всяк свою выкладывал беду.

Ненавидя ханжество отроду,
Презирая болтовню и спесь,
Он делил с народом хлеб и воду
И хвалился только тем, что есть.

Мы на все глядим его глазами,
Правду нашу в мире утвердив,
Повторяем клятву:
— Ленин с нами! —
Нас не пересилишь.
— Ленин жив!

1956

НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Не могу мириться с немотой,
С вашей слепотой
И глухотой.
Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?

Разве не повеяло теплом,
Не гремит на речках ледолом?
Не настало время, чтоб любить?
Или трудно человеком быть?

Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум лесной...
Иль старик вахтер всему виной?

Прописной бумажный мир души
Свежий ветер не разворошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола.

Не смирюсь я с этой пустотой,
С вашей глухотой,
Непрямотой.
Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей мечтой.

1959

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доньше не открыта
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули —
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид не ставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую как слезы Юг-реку!

1958

* * *

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны.
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже, —
Больше разницы никакой.

1958

СНЫ

Мы и во сне себя обманом тешим.
Сны повторяются:
Одни люблю,
Те, в коих я всесилен и безгрешен,
Другие — ненавижу, не терплю.

Вот сон:
Шагаю вдоль села родного
Среди своих безвестных земляков,
Чуть улыбнусь иль просто брошу слово —
И людям жить становится легко.

Или еще:
Над рощею, над полем,
Раскинув руки, молодой, лечу,
Землей, и небом, и собой доволен, —
Под силу все, чего ни захочу.

А ныне злой меня измучил сон,
Болезненный, он тянется часами.

Все неизменно в нем!
Она и он
И сам я
Со своими кулаками.

Она уходит от меня к нему,
К кому — не знаю, вижу, что уходит
Решительно,
При всем честном народе, —
Нет меры униженью моему.

Все чувства выела из сердца месть.
Потеря — что! Терзает оскорбленье
И душит...
А приходит пробужденье —
Себя стыжусь:
Я был таким, как есть.

1958

* * *

Я встретил женщину. Была она
Почти стара
И так измождена,
Что я смотрел — смущен и поражен:
Ведь я когда-то был в нее влюблен.

Усталая, она не шла — брела.
А уж какую сильною слыла,
Каким цветком росла среди полей,
Какие парни бегали за ней!

Мне стало жаль ее — любовь свою.
— Узнала ль? — спрашиваю.
— Признаю,
Как не признать! —
И, голову склоня,
Участливо взглянула на меня.

— Теперь уж что! Былого не вернешь.
А хоть сказал бы — каково живешь?

Был на войне-то?

— Был.

— Вишь... уцелел.

Но до чего ж ты, милый, постарел!

1958

А то еще -- оторопею
И, как собрату своему,
Отъявленному лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Все чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел, —

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог,
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья, —
На свете горше нет суда.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

1959

УТРО В ВОЛОГДЕ

Гудит вологодский льнокомбинат,
Зовет на работу вагоноремонтный,
И галки — дымком по всему горизонту,
Как будто у них воздушный парад.

Хрустит под ногами сухой снежок.
Еще не светает, еще не пригрело,
Еще не восход,
Но от тысяч ног
На улицах словно бы потеплело.

И мне пора.
Одеваюсь, бегу,
Соседа бужу:
— Торопись, ровесник!
Счастливого утро —
Со всеми вместе
Ложится мой след на свежем снегу.

1958

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влечение, —
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли лечение?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Не мало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

* * *

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображенье —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

1959

МАРТ

Солнце марта в степь вошло,
Скрадывая расстоянья,
И от этого сиянья
Стало на сердце тепло.

В каждой льдинке огонек,
Будто всей лавиной звездной
Млечный Путь на землю лег.
Но денек еще морозный.

Наст такой, что грузовик
Вдруг свернул на холм пологий
И понесся без дороги
Снежным полем напрямик.

На холме стоит село,
Заметенное до окон.
До весны еще далеко —
Ни приметы, ни намека,
А уж на сердце тепло.

1957

* * *

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд, —
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего! —
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника,
И синева без берегов,
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что написать вам? —
Все извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

НА ПРОТАЛИНАХ

Все, что было на землю
Нерадиво брошено,
Втоптано
И за зиму
Снегом запорошено,

Спилено, повалено
И забыто в стужу, —
Первые проталины
Вынесли наружу.

Вдоль всего селения
Вплоть до горизонта
Новые строения
Требуют ремонта.

Выкрашены наскоро,
От дождя бледнея,
Плачут стены краскою
Клеевой,
без клея.

С темных крыш полезло
Ржавое железо.
О вниманье к людям
Не по сводкам судим.

Черный снег как вымело.
Солнце

 нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее
И дороже стало.

1956

РАЙОННАЯ КРАСАВИЦА

Деревня.
Зори вешние.
Живу среди болот.
И вдруг навстречу грешному
Походкою неспешною
Красавица идет.

Идет-плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любит, себя,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольска-городка.
У платица фасонного
Рукав до локотка.

Идет как землю щупает,
Обувочкой форсит,

И семечками хрупаёт,
И глазками косит.

И, затаив дыхание,
Все, сколько есть ребят,
За нею с расстояния
Испуганно следят.

Готовы в драку броситься,
Готовы — с места в пляс.
Уж так она им по́ сердцу,
По нраву —
В самый раз.

А мне, прошу прощения,
Давно знакомы все
И эти ухищрения
И эти украшения
При девичьей красе.

Меня как не касается
Ее надменный вид...

И, оробев, красавица
В глаза мои глядит.

1959

ГОСТЬ

В родное село из столицы
Наведался знатный земляк.
Народу в избе — не пробиться,
Слезу прошибает табак.

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму.
А ныне — что шляпа, что шуба,
И все будто впору ему.

Стоит у печурки в сторонке
Совсем оробевшая мать,
Не знает — искать самогонки
Иль самоварчик подать?

Метнуться б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой.

Но все же —
Что было, то было,
И мать у него лишь одна.
Вспоила его и вскормила
И вывела в люди она.

Недаром же ныне соседи —
И это заметила мать —
Ее ненароком в беседе
По отчеству начали звать.

1958

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблекла,
По мерзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стекла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забывая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А все ж весна выходит из запруд.
И пусть скворцы попрятались

в скворешни —

Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пенья
Оживилась округа.

Сразу столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки?
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

* * *

Промыли в окнах стекла
Студеною водой, —
Весь мир казался блеклым,
Теперь он молодой.

Как будто бы промыли
Самим себе глаза.
Яснее проступили
Окрестные леса.

Не спутаешь с осиной
Березки нежный дым,
Речушка стала синей,
А небо — голубым.

Идет дорога прямо
По краю целины, —
Теперь на ней все ямы,
Все рытвины видны.

Видны людские лица,
Луга, поля вокруг
И где растет пшеница,
А где сплошной овсюг.

И что всего дороже —
В домах моих друзей
Светлее стало тоже,
Промыты окна все.

1959

ПИСЬМО В „ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ“

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Все — с людьми по соседству,
Все — друзья наши с детства,
Оперенье и пенье —
Всей земле в украшение.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:

«Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство,
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...»

Птичье царство — и только?
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Стоит в лес углубиться,
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые плутаем,
Будто глухи отроду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

Тоже с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,

Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рождению,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Ну — богаты на диво,
В чем-то даже избыток,
Почему ж нерадивы?
Разве быть бережливым
В наши дни пережиток?

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

* * *

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний.
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает
И садится.

Все земное могучим
Распускается цветом.
Только ивы плакучи
Что зимою, что летом.

Чтобы скрыться от зноя,
Забираешься в хвою,
Но в трущобе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чуешь даже спиною,
Как следят, не моргая,
Сотни глаз за тобою.

И спешишь на опушку,
К небу синему,
К свету.
Хорошо бы с подружкой,
Да ведь нет ее, нету!

На опушке — проселок,
След колхозной трехтонки.
Оклики перепелок
Оглушительно звонки.

И — цветы.
Их так много —
Диких, северных, пышных,
Тоже все на дорогу
Словно б из лесу вышли.

Вдруг поднимется ветер...
Но зачем мне все это,
Если нет тебя, нету
И не знаю я — где ты?

Всё не в радость, не в диво,
Мир тобой не озвучен.
Знать, поэтому ивы
Даже летом плакучи.

ТЕТЕРЕВ

Тороват, неотразим, лукав,
Словно первый парень на селе,
Он бродил среди цветов и трав,
От своих удач навеселе.
Красовался,
Ягоды клевал
И тетеркам голос подавал.

Ни одной пред ним не устоять:
Всё под силу,
Всё ему под стать,
Молодому, в стае равных нет,
На одном на нем стоит весь свет.

Хвост расправил,
Зоб раздул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк
И к тетерке на сучок подсел —

Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола.
А тетерка чучелом была.

1959

Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще не мало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

* * *

Всполошились над лесом ворёны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек — не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пуши,
На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлегся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь — живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А вороны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу —
Я от карканья не умру.

1958

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От знобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно
И вперед указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли из лесу,
То ли из дому
Загорланил совсем по-родному,
По-российски,
По-свойски петух.

Так взревел отрешенно и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень понятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили,
Много ль надо ей добрых примет, —
Лишь бы в срок петухи голосили.
Ты повсюду со мною, Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра.
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман — промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

И что говорить про медведя —
Шакала не одолел.

Безвредный, трусливый зайчишка,
Бывало, свисает с плеча,
А сходит он в розовых книжках
За рысь да за сохача.

В охотничьем вдохновенье
Я братьев по шалашу
Вводил, так сказать, в заблужденье...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытье,
Как верят одни лишь поэты,
И в том оправданье мое.

1958

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!.. —
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне — в три конфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...
— Ну вот мой дом, моя семья,
Смотри! — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десятков стульев вокруг стола
Под люстройю стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни.
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем,
Работы много, — говорит, —
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Не сладко пил, не вкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

1954

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

На Красную — у стен кремлевских —
площадь

Попозже приходите:
В ночь на ней
Стихает все,
Лишь ветер флаг полощет,
И ход часов истории слышной.

А лучше на рассвете:
Запах хвои
Острей к утру, дневного гула нет.
Вы — в центре мира.
Грянет башня боем —
И символом становится рассвет.

Широкие гранитные ступени.
Густые ели.
Самый ранний час...
Здесь через площадь,
Кепку скинув,
Ленин
Походкой легкой проходил не раз...

Я получил сегодня партбилет.
Все улицы приводят к Мавзолею.
Стою, гляжу,
Как облака алеют,
Как над Москвою ширится рассвет.

Торжественной присягой коммуниста
Из сердца выливается обет.
Я говорю:
— Как совесть, будет чистым
Мой большевистский,
Ленинский билет.

Я в этом клятву Родине даю
На жизнь,
На смерть,
На вечность —
 как в бою!

1949

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой.
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чашу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить.
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,

В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

* * *

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утехи ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят.
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе — о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чем не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

1958

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
— Носи, пострел! —
С пол часа он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул.
И не плакал.
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову
Как награду бы я берег,
С ней носился бы по Блуднóву,
Под собою не чую ног,

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

ЧУДЕСА

Мир чудесами удивляем
И сами,
 глядя в небеса,
Как будто слов других не знаем,
Почти с испугом повторяем
Одно и то же:
— Чудеса!

Но на какое-то мгновенье
До каждого доходит вдруг,
Как откровенье,
Как прозренье,
Что это ж — наших рук творенье,
Все это дело наших рук.

И каждый — что бы он ни значил,
Где б ни работал, ни служил —
В решенье сказочной задачи
Свои, пусть скромные, удачи,
Свое терпение вложил.

Не будет сказано обидных,
Неверных слов на этот раз,
История сказать не даст:
Нет для нее простых, невидных,
Нет маленьких людей средь нас.

1959

БОГАТЫРЬ

За гостем нужен глаз да глаз,
Но гость неуловим —
Исчез из глаз,
А дан приказ:
Беречь его,
Следить за ним, —
Растаял, словно дым.

С утра на стройке гул стоит,
Машин: считай — не счесть,
Везут бетон,
Грызут гранит...
А гостю семь десятков есть,
Еще задавят здесь.

В цветах и в травах лишь вчера
Пестрели берега,
Сегодня вздыбилась гора,
Как террикон близ рудника,
Почти под облака.

И гость, задрав кадык смешной,
Как будто напоказ,
Торчит над самой крутизной,
Торчит, наверно, целый час,
С ковша не сводит глаз.

Песок на шляпе, на плечах,
Песок на сапогах.
— Отец! — механики кричат. —
Сдай от греха на три шага!
Аль жизнь не дорога?

А он — вперед.
— Куда ты прешь?! —
А он — до них:
— Ну как?
Черпак-то, кажется, хорош?
— «Черпак»? Да сам гляди, чудак,
Башка твоя — черпак.

Старик обид не ставит в счет,
Усмешка по лицу:
— Выходит, честь мне и почет?
А вы с претензией к отцу
И «чудака» — к словцу...

Сам бригадир сорвал тотчас
Кепчонку с головы:
— Простите!..
Не узнали вас... —
Он сразу перешел на «вы». —
Вы, значит, из Москвы?

Максим Петрович?
— Точно так!
— Так нам ли вас не знать!
«Черпак» ваш — чудо, не черпак.
Да вы и сами, так сказать,
Богатырю под стать.

В честь гостя тотчас все ковши
Отвесили поклон.
Механики с других машин
К нему бегут,
И вот уж он
На плечи водружен.

Не подоспей парторг в тот миг
К богатырю —
Как раз
Из сил бы выбился старик:
Качать взялись...
А был приказ
Беречь его
И ни на час
Не упускать из глаз.

1959

ЧЕЛОВЕКУ

(Из Маро Маркарян)

1

Написал строчку честную —
Не пропадет даром.
Зорьку раннюю встретил песнею —
Не пройдет даром.

Горсть семян раскидал по отрогам —
Урожаем взметнется.
Камень сбросил с горной дороги —
И это зачтется.

Слово доброе молвил людям —
Правда полюбится.
Ничего забыто не будет,
Все окупится.

2

Мне трудно думать,
Так много шума,

А хочется речи
Простой человеческой.

Так жить я решилась,
Чтоб даль прояснилась,
Чтоб муть осела,
Вода осветлилась.
Скажите на милость:
Что следует сделать?
На все бы решилась!

Дождь льется над морем.
Над полем бы надо.
Зачем людям горе?
Нам — вера, нам — радость...

Любовь к человеку,
Будь знаменем века —
Земная, большая,
Не показная!
А суетный гул —
Он только мешает
На каждом шагу.

Помочь бы!..
Тревога
С ума меня сводит:
Должна сделать много,
А время уходит!

3

Бывало, с судьбой своей не поладя,
Ноешь и ноешь, свету не рада,
Не видишь конца бессилью.

Но вдруг скала обрушится рядом,
И горе твое покажется пылью.

4

Меня ненавидит он с давнего дня,
А я — его.
Во всем обвиняет он только меня,
А я — его.

Но я улыбаюсь, и он сияет
Наперекор всему,
Как будто во мне он души не чаёт
И мне лишь одной во всем доверяет,
А я — ему.

5

Я люблю, когда на небе тучи
Собираются грозовые
И срываются камни с кручи, —
Я люблю, что не любят другие.

Я люблю, что иным не нравится, —
Хлынет ливень на перевале,
Будто правда, которой славиться
Долго недруги не давали.

Я люблю...
А кто-то в тревоге
Смотрит, выйти боясь из дому,
Как бегут ручьи по дороге,
Хлам бумажный несут, солому...

В окнах после дождя проясняется.
Пусть на время мутнеют реки —
Все равно земля обновляется,
Будто ливнем с нее смываются
Пыль, и гниль, и нечисть навеки.
Я люблю это.
Мне это нравится!

1959

ОБСЕРВАТОРИЯ УЛУГБЕКА

Немало небоскребов Улугбека
Осталось от пятнадцатого века.
В путеводитель внесены не все
Мечети, мавзолеи, медресе.
Но даже те, что на виду стоят,
Не в будущее — в прошлое глядят;
Их создавали золотые руки
Во славу Магомета — не науки.

И лишь обсерватория одна
В грядущие века устремлена,
Сей храм упрятать в глубине земли
Все мракобесы мира не смогли.
В дуге секстанта что-то есть от взлета
К неведомым космическим высотам,
Как будто здесь
До нас за сотни лет
Был агрегат для запуска ракет.

1960

ПАРАНДЖА

Как чужестранец я здесь брожу.
Ковры, тюбетейки,
Веселые лица...
Не насмотреться, не надивиться.
И вдруг нелепая власяница.
— Снимите, красавица, паранджу!

К чему вам такой зачумленный вид —
Как привиденье,
Как наважденье!
Пусть бисером искрятся украшения!
Ведь родина ваша со дня рожденья
Без отчужденья на мир глядит.

Откиньте, красавица, паранджу.
Чего вам стыдиться,
Кого сторониться?
Как только начальство с этим мирится?!
Вот встречусь, уж я про вас расскажу.

Зачем это грязное веретье?
Снимите,
Сожгите свою власяницу!

— Она бы сняла, да не может решиться,
Боится...

— Чего?

— Того и боится,
Что главный начальник — супруг ее.

1960

НАХОДКА

Бухта Находка.
Зеленый туман.
Берег местами дикий.
Бухта...
И все-таки океан,
И даже Великий.

Перед рассветом прилив у ног.
Дня зарождение мудро:
Первый проблеск,
Первый намек,
Но это уже утро.

Город возник из планов и смет, —
Как он волнующе молод! —
Десять каких-то неполных лет,
Но это уже город.

Краны как вышки и корабли.
В скалах слои косые...
Мы — на краю,
У начала земли,
Но это уже Россия!

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он — язык луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.

1959

РОДНИЧОК

Грохот моря слышен издалека,
Блеск его любого ослепит.
У воды ни отдыха, ни срока, —
Берега гранитные дробит.

Родничок осоки не колышет,
Затенен,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться, чтобы разглядеть.

Но вода и в нем стоять не любит,
День и ночь без усталости поет.
Кто отыщет — припадет, пригубит,
А припав — не отрываясь пьет.

И опять придет, как на свиданье,
И заглянет в холодильник на дно...
Только это чистое звучанье
Разобрать не каждому дано.

1958

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья! —
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала...
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода — умойся,
Отдохни,
За нас не бойся, —
Подрастет семья!
Ну, прибила, — что ж такого!
Не со зла ведь,
Не чужого...
И зачем же слезы снова,
Добрая моя?!

1958

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая дивиться буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней шири.

В теплом, хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится — люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,
Но человечней,
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуюсь новой своей победе,
Не забывайте, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья:
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.

И пусть никто не кичится властью,
Помнит, что он — лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит.

И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

1956

* * *

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду.

А ни вздохов, ни жалоб —
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

1959

* * *

К сиротской доле относясь с участием,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал
с пристрастьем,

Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!.. —
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?
За что, любимая, казнишь меня?

1959

* * *

Да, отзывчивая, сердечная! —
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской хижины
Вздых дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстье ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого далекого...

И не видит, что тут же, около,
Свой родной человек терзается,
По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отвяжется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе-горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинок не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но среди далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
 «Как дела?»
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

* * *

Странно,
Ты стала какой-то стыдливой,
Словно бояться меня начала:
Разве теперь уже некрасива?
В юности разве иной была?

Ты для меня навсегда желанна,
Так же люблю, как в былые года,
И непрестанно,
И неустанно.
Что же от глаз моих прячешься?
Странно...
Ты для меня и теперь молода.

1959

* * *

Все удивительно в тебе опять
И ново, ново...
Дó ста лет мне жить
И до конца тебя не разгадать —
И, значит, до ста лет не разлюбить.

1958

* * *

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляда;
Скоро подсохнут дорожки сада, —
Только живи!

Солнце красно и зимою вьюжной.
Что за беда — холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись же видом недужным,
Просто — живи!

Нет, не зазря растрочена сила,
Все отдала ты заботам любви,
Все, что имела, —
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной —
Живи, живи!

1959

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук нарастая издалекà, —
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных вьюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь —
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звезд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу —

Опущены крылья,
Развернут хвост, —
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженьи речных глубин,
Как рыба, мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок:
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

— Сдаюсь! —
Мне еще не тысяча лет.
— Сдаюсь! —
Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958—1959

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу, —
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вешун
И не старый с виду я,
Так же в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзросло мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1959

СОДЕРЖАНИЕ

«В несметном нашем богатстве...»	5
У кабинета Ильича	6
Торжественное обещание	8
Перед праздником	10
Ленинский проспект	12
Добрые дела	14
Зимний фотоснимок	16
Пустырь	17
Москва — Вологда	19
Твоя родина	21
С годами...	23
Неулыбчивому человеку	25
Юг-река	27
«Я давно на родине не был...»	28
Сны	30
«Я встретил женщину...»	32
Память	34
Переходный возраст	36
Утро в Вологде	38
«Страшно любить и быть нелюбимым...»	39
Земной поклон	41

«Боюсь любви, а не любить — не жить...» . . .	43
Март	44
«Весна — куда ни кинешь взгляд...»	45
На проталинах	47
Районная красавица	49
Гость	51
Заморозок	53
Добрый праздник	54
«Промыли в окнах стекла...»	56
Письмо в «Лесную газету»	58
«Тишина над рекою...»	61
Тетерев	63
«Не верю, что звери не говорят...»	65
«Всполошились над лесом воробьи...»	67
В чужом краю	69
Зайчонок	71
Исповедь	73
Спокойнее вдвоем	75
Красная площадь	78
Люблю все живое	80
«И я обманывал...»	82
Чудо-сабля	84
Чудеса	86
Богатырь	88
Человеку (из Маро Маркарян)	91
1. «Написал строчку честную...»	91
2. «Мне трудно думать...»	91
3. «Бывало, с судьбой своей не поладя...»	93
4. «Меня ненавидит он...»	93
5. «Я люблю, когда на небе тучи...»	93
Обсерватория Улугбека	95
Паранджа	96

Находка	98
Русский язык	100
Родничок	101
Мать	102
О насущном	103
«Ты такое прощала...»	105
«К сиротской доле относясь с участием...»	107
«Да, отзывчивая, сердечная!..»	108
Орел	110
Утром не умирают	111
«Странно, ты стала какой-то стыдливой...»	113
«Все удивительно в тебе опять...»	114
«Только живи, ничего не надо...»	115
Хочу весну!	116
По своей орбите	118

Ишин Александр Яковлевич

СОВЕСТЬ

*

Редактор *И. Н. Асеев*

Художник *Ф. Б. Збарский*

Художественный редактор *Е. Н. Балашева*

Технический редактор *И. М. Минская*

Корректор *И. В. Симакова*

Сдано в набор 5/1 1961 г. Подписано к печати 8/IV 1961 г. А04830. 70×92¹/₃₂.
Печ. л. 3⁷/₈ (4,53). Уч.-изд. л. 2,73. Тираж 8 000 экз. Заказ № 13. Цена 14 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

*Все материалы направлять по адресу:
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

14-конт.

Г